

В Саянск

Валентина
Э

Валентина Саянова

Валентина

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42677371

*В. В. Саянова. Валентина: Издательско-Торговый Дом «Скифия»;
Санкт-Петербург; 2018*

Аннотация

Во время оккупации гитлеровцами Днепропетровска двенадцатилетняя Валя взяла на себя ответственность за свою семью: маленькую сестру, неходячую маму и пожилую бабушку. К шестнадцати годам эта девушка, участвовавшая в деятельности Новомосковской подпольной организации, выполнявшая опаснейшие задания, прошла все круги ада. Она выдержала то, что не каждый взрослый сумел бы пережить. Эта книга – воспоминания Валентины Саяновой о самых страшных годах XX века, временах Великой Отечественной войны.

Содержание

Вступление	5
Довоенное детство	9
Так начиналась война	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Валентина Саянова

Валентина

© Саянова В. В., 2018

© Издательство «Скифия», 2018

* * *

Посвящается моему любимому внуку Василию

Не все вернулись с поля боя...

Удивительное свойство памяти... Недалече 89 лет, а все помнится до мелочей – сердечко екает, когда вспоминаю все, что происходило, такое не забывается. Да, легло все пережитое в душу, да так навеки в ней и осталось. С чувством искренней благодарности обращаюсь ко всем, кто так или иначе участвовал в подготовке к изданию книги. Приношу особую благодарность первым читателям моей рукописи: дочери Оле, внуку Василию, нашим друзьям, весьма положительно ее оценившим и тем самым воодушевившим меня на дальнейшее оформление сих воспоминаний.

Вступление

*Каждый пишет, как он слышит,
Каждый слышит, как он дышит,
Как он дышит, так и пишет,
Не стараясь угодить.*

Булат Окуджава

Непреодолимое желание моего внука Василька¹ узнать о том, как мы с дедушкой жили во время Великой Отечественной войны, чем занимались, будучи одиннадцати- и двенадцатилетними подростками, раз за разом заставляло меня восстанавливать в памяти события давно минувших дней. Встречаясь с нами, он всегда просил поведать о тех временах. Его детское воображение поражали рассказанные мной случаи из далекого грозного прошлого. Он постоянно интересовался тем, как некоторым из нас удалось выжить в тех неимоверно сложных и опасных ситуациях, а повзрослев, сказал, что мне нужно рассказать об этом миру и написать книгу – настолько моя жизнь была невероятна.

Мне и самой вдруг показалось, что не должны события тех страшных, грозных лет уйти со мной в небытие. Если моим близким это интересно, то, может быть, и другим будет лю-

---

¹ Коледов Василий Викторович (род. 1986), экономист.

бопытно посмотреть на некоторые страницы справедливой Великой битвы советского народа с фашистскими захватчиками глазами бескомпромиссного очевидца.

Кроме того, мной руководило желание выполнить определенную миссию: еще раз вспомнить о людях, которые в те годы были рядом со мной, пытались внести свой вклад в общее дело разгрома гитлеровской клики, но не дожили до Великой Победы нашего народа. В числе тех, кто мужественно боролся с фашистским отродьем, были мой дядя, Алексей Макарович Цокур², и его жена, Екатерина Васильевна Бутенко³. Они были одними из организаторов подпольного движения в тылу врага, в Днепропетровской области (Новомосковск, Украина), временно оккупированной немцами. Е. В. Бутенко погибла в застенках гестапо, А. М. Цокур пустил себе пулю в висок, когда его выследили немецкие прихвостни – полиция бандеровского разлива.

Документы, находящиеся в Новомосковском историко-краеведческом музее⁴, подтверждают деятельность Синельниковского и Новомосковского подполья⁵ (об этом нам

---

² Цокур Алексей Макарович (укр. Цокур Олексій Макарович, 1915–1943), врач-терапевт.

³ Бутенко Екатерина Васильевна (укр. Бутенко Катерина Василівна, 1916–1943), врач-фтизиатр.

⁴ Ныне Историко-краеведческий музей им. П. И. Калнышевского.

⁵ О деятельности Новомосковской подпольной организации можно прочесть в книге «История городов и сел УССР» на с. 492, 524, 734 (К.: Институт Истории Академии наук УССР, 1977).

сообщил его директор) – если они до настоящего времени уцелели и не были уничтожены при режиме Ющенко и его последователей. Некогда рядом со зданием того же музея предполагалось установить памятник А. М. Цокуру, но этого не произошло. Тем не менее на доме, где мы проживали с дядей (Новомосковск, ул. Рабочая, 10), установили мемориальную доску. Все это еще раз подтверждает идею Василька предать бумаге пережитое.

Иногда мне задают вопрос, почему я и моя покойная мама⁶ не являемся ветеранами войны? На него есть ответ. Директор Историко-краеведческого музея⁷ в письме к маме говорил, что, по его мнению, мы заслуживаем званий ветеранов ВОВ и нам следует заняться оформлением документов. Но, когда в разговорах моих тетей и знакомых начинали усиленно обсуждаться материальные аспекты, «льготы», которыми пользуются участники ВОВ, меня покидало желание что-то предпринимать, так как это уже походило на сделку. Мой поступок можно расценивать как угодно, но я так чувствовала – и все. В это же время стали известны и другие обстоятельства, касающиеся нашей безопасности, которые заставили серьезно задуматься о том, стоит ли этим заниматься. О них я расскажу позже.

---

⁶ Цокур Мария Макаровна (укр. Цокур Марія Макарівна, 1903–1994), фармацевт.

⁷ Киселев Василий Константинович (укр. Кіселев Василь Константинович), директор Историко-краеведческого музея.

Хочу сразу же сказать, что все описываемые мной ситуации, поступки, какими бы невероятными они ни показались читающему эти строки, не приукрашены и правдивы. В противном случае нечего было бы и браться за это дело. Мне и самой теперь трудно осознать, что, побывав в эдаких переделках, я осталась в живых. Как тут не поверить во Всевышнего?

Довоенное детство

Прежде чем приступить к изложению событий военных лет, вкратце поведаю о довоенном житье-бытье.

Наша семья жила в Днепропетровске по ул. Октябрьская, д. 3, в самом живописном и в историческом отношении интересном месте города. Одной из достопримечательностей района была Октябрьская площадь с расположенным на ней Спасо-Преображенским собором, заложенным Екатериной II в 1787 году. Завершено строительство было в 1875-м. По замыслу архитектора, он должен был быть в несколько раз больше собора Святого Петра в Риме, но война России с Турцией не позволила осуществиться этим планам. В советское время здесь находился музей религии и атеизма, и службы с 1930 по 1938 год не велись.

Наша улица как бы являлась одной из сторон площади. Рядом с домом находилось трехэтажное здание медицинского института, где работал мой папа⁸, а в конце квартала на углу так называемый «дом профессоров», в котором действительно проживала профессура высших учебных заведений, расположенных в этом районе. По обе другие стороны площади находились Фармацевтический и Горный институты. В первом учились мои мама и тетя и тоже преподавал папа. Пе-

---

⁸ Клименко Василий Гурьевич (укр. Клименко Василь Гурієвич, 1906–1978), биохимик, профессор, член-корреспондент АН Молдавской ССР.

ред фасадом Горного института возвышалась величественная, во весь рост, бронзовая фигура Екатерины II. Очевидно, папе предоставили квартиру в таком привилегированном районе потому, что уже в молодом возрасте он снискал славу лучшего преподавателя высшего учебного заведения.

Днепропетровск. 1940 год. Слева направо: я в возрасте 11 лет, Цокур М. М. (моя мама), Бутенко Е. В. (тетя), Клименко В. Г. (отец), Тамара Клименко (сестра), Цокур А. М. (дядя)

В одном из таких одноэтажных домов с чудесным двором, который изобилует цветочными клумбами и разными

фруктовыми деревьями, неустанно опекаемыми профессором Василием Степановичем Балабановым, в однокомнатной квартире проживало наше семейство. Оно состояло из пяти человек: папы, мамы, сестры, бабушки и меня. Комната была довольно большого размера, что позволяло при необходимости предоставлять ночлег обучающейся в институте тете Оксане⁹. Когда понадобилось выручить не имеющего пристанища папиного друга по обучению в мединституте, дядю Степу, вопрос решили очень просто. Из нескольких «позаимствованных» рекламных щитов на скорую руку соорудили перегородку, и у дяди Степы появилось жилье. Как говорится, «в тесноте, да не в обиде». Наша семья была гостеприимной и очень веселой.

---

⁹ Кузьменко Оксана Макаровна (укр. Кузьменко Оксана Макарівна, 1919–1993), сестра мамы, фармацевт.

Спасо-Преображенский собор. 2013 год. Днепр (бывший Днепропетровск)

Горный институт (ныне – Национальный технический университет «Днепропетровская политехника»). 2014 год. Днепр (бывший Днепропетровск)

Завкафедрой биохимии Днепропетровского фармацевтического института Василий Гурьевич Клименко с группой студентов. 1939 год. Днепропетровск

Памятникъ Екатерины II.

Екатеринославъ.

Памятник Екатерине II в Днепропетровске (утрачен в 1941 году)

Слева направо: моя мама Мария Макаровна, тетя Дора, бабушка Мария Климовна с тетей Оксаной на коленях. 1919 год. Голубовка

Излюбленным местом для прогулок у нас был лучший в городе парк им. Т. Г. Шевченко, расположенный совсем недалеко от дома. Мы часто в выходные дни всей семьей долго гуляли, любуясь видом аллей, вековых серебряных елей, искусно созданных цветочных клумб. Глаз нельзя было оторвать от открывающейся панорамы могучего Днепра – парк был расположен на Днепровских кручах. Зимой мы частенько со школьными друзьями катались с них на санях. Занятие не только интересное, но и рискованное – после одного такого выхода, к счастью завершившегося благополучно, нам надолго пришлось прекратить наши катания.

Я училась в 67-й школе, рядом с домом. Она считалась лучшей в городе. Неподалеку находился особняк секретаря днепропетровского обкома партии Л. И. Брежнева, и где-то здесь же проживал редактор днепропетровской областной газеты. В общем, местечко знатное. В школе работало большое количество кружков, где ученик мог выбрать себе дело по способностям и вкусу. Был огромный, прекрасно оборудованный спортивный зал, просторные светлые классы и замечательная учительница Ева Моисеевна – строгая, подтянутая, не очень улыбчивая, спокойная и, главное, справедливая.

За все четыре года обучения не помню, чтобы она повышала голос, чтобы в классе кого-то обижали или дразнили. Ева Моисеевна обладала особым даром не делить учеников на плохих и хороших, приклеивая ярлыки, чем добивалась создания в классе атмосферы дружбы и взаимной выручки. Просто более успешные ученики помогали осваивать знания менее понятливым, и воспринималось это как норма, без всяких обид.

Кроме Евы Моисеевны, у нас были прекрасные учителя физкультуры и военного дела, а также любимый пионервожатый Савва, организатор всех школьных мероприятий. Уроки физкультуры я очень любила и считалась лучшей ученицей. А вот о втором учителе особый рассказ. Начну с того, что он пользовался у учеников огромным авторитетом и любовью, очевидно, не только в силу своей обаятельности как личности и умения поддерживать с нами контакт, но и потому, что темы уроков были злободневны. Уже тогда во всем – в обстановке в школе, разговорах дома, во дворе – чувствовалась предвоенная напряженность, всюду витал дух предстоящих событий. И мы серьезно воспринимали то, чему он старался нас научить.

Днепропетровск. 1940 год. Наш третий класс. Сидят (слева направо): четвертая – я, Валентина Клименко, пятая – Лида Киперман, шестая – Галя Брежнева. Третий ряд (снизу, слева направо): седьмой – пионервожатый Савва, девятая – Оля Логвиненко, в центре – учительница Ева Моисеевна

Он приходил в класс, развешивал красочные плакаты, рассказывал об изображенных на них разных типах бомб и другом вооружении, а потом заставлял нас все повторять. Очень детально объяснял, как правильно ползать по-пластунски, и каждый должен был проползти по полу. Особенно подробно учитель рассказывал, как быстро и правильно

надевать противогаз. Последнее вызывало у меня большую тревогу. Я волновалась о том, как в случае необходимости можно будет заставить мою маленькую четырехлетнюю сестру Тамару надеть противогаз? Мне, большой, и то неприятно. Ведь за нее никто не сможет этого сделать, так как противогаз – средство индивидуальной защиты. Я с усердием все повторяла и заслуживала одобрение учителя.

Думала ли я, что на этих уроках мне нужно быть внимательной, как никому другому? В трагическую минуту школьные знания позволили мне спасти себя и находящихся рядом людей от неминуемой гибели.

В моем классе учились дети известных людей: Галя, дочь Леонида Ильича Брежнева, и Лида Киперман, дочь редактора газеты «Днепропетровская правда». Я с ними дружила и даже помогала Гале по учебе. Очевидно, учительница попросила меня заниматься с ней потому, что мы жили практически рядом.

Дополнительные занятия с Галей проходили в особняке Брежневых, который располагался рядом со школой. С отцом девочки я никогда не встречалась, но маму хорошо помню, так как всякий раз она встречала и провожала меня. Иногда мы вместе пили чай и ели фрукты, мама сервировала стол сама, не привлекая никого из посторонних. Очень хорошо помню, что меня поражало в их доме – везде ковры с пушистым высоким ворсом. Ступаешь – и нога полностью утопает в приятной мягкости, а у мамы яркие комнатные туфли

с острыми, загнутыми кверху носами, она одета в длинный до пола халат из блестящей яркой ткани. Лицо строгое, не выражающее никаких эмоций, неразговорчива, официальна, меньше всего похожа на заботливую маму. Очень странно было ощущать такую безжизненную обстановку, ведь мне было невдомек, в каком доме я нахожусь, да и близкие абсолютно не реагировали на мои визиты в дом столь высокой персоны. В памяти всплывают какие-то отрывки из папиных рассказов о встречах с Л. И. Брежневым. Он отзывался о нем в своей манере, как об отличном мужике. На этом мои познания заканчивались.

С Галей и Лидой в классе я тесно общалась, мы часто обменивались бутербродами. У них был белый хлеб с колбасой, у меня – серый, с запеченной с салом яичницей. Тогда ни белого хлеба, ни колбасы в нашем доме не было, эти продукты в обычных магазинах отсутствовали, вот и исхитрилась бабушка¹⁰ готовить такие бутерброды. Помню, как они мне надоедали, и я часто приносила их обратно домой, за что получала нагоняй. Но Лиде с Галей эта еда нравилась, и я не возражала, когда мне предлагали обмен. А еще в столовке можно было купить кусочек заржавленной селедки, от которой Лида с Галей были без ума – никогда такого не ели.

Однако дружба с этими девочками ограничивалась только школьным временем. Во внеклассных мероприятиях они

---

¹⁰ Магдыш Мария Климовна (укр. Магдиш Марія Клімовна), крестьянка, мать моей мамы.

не участвовали: ни в просмотре кинофильма с его обсуждением, ни в походе возглавляемого мной пионерского отряда на лыжах, ни в катаниях на санях с Днепровских круч. И, надо сказать, много теряли. Чего только стоил поход на водоочистительную станцию, который мне удалось организовать через работающего там отца моей близкой подруги Оли Логвиненко! Ее папа показал нам самые сокровенные места, доступ к которым для посторонней публики был ограничен. Картина необычайная. С высоты перед нашим взором предстали огромные резервуары со спокойной и бурлящей водой. Все это сопровождалось громкими звуками низвергающихся откуда-то струй. Казалось, будто ты попал в какой-то нереальный мир, словно тебя затягивает в глубину. Увиденное произвело на меня очень сильное впечатление. Это запомнилось на всю жизнь – с тех пор мне не нравилось находиться в воде, плавать рядом с искусственно сооруженными строениями типа железобетонных волнорезов на море. С некоторой опаской, но с интересом я заплывала в гроты, так как они были натуральными, созданными самой природой. А в тот момент, на водоочистительной станции, я думала о том, как не люблю заглядывать в глубокие колодцы с водой, когда гощу у бабушки и дедушки в деревне.

Никого особенно отсутствие Гали и Лиды на внеклассных мероприятиях не заботило. У них была своя жизнь, а члены возглавляемого мной пионерского звена были довольны тем, как мы проводили внешкольное время. Так в добром

согласии в мае 1941 года мы закончили четвертый класс и настроились на каникулы. Только несколько лет спустя, после окончания Великой Отечественной войны, судьба чуть было не свела нас с Галей – мы жили в Кишиневе рядом, учились в одном университете, о чем я узнала от сокурсницы Гали, которая по ее просьбе должна была организовать нашу встречу на одном из университетских вечеров. Я училась на химическом факультете, Галя – на филологическом. Узнала обо мне она, очевидно, через дочь секретаря Черновицкого горкома партии М. К. Долгого, Рину, – с этой семьей мы были знакомы и много общались с Риной на почве увлечения балетом.

Но когда в разгар танцевального вечера в дверях помещения появилась девушка в откровенно декольтированном синем платье, увешанная бриллиантами, в которой я должна была узнать Галю, я попросила меня не называть. Слишком большой был контраст между ею и остальной студенческой публикой, главным образом фронтовиками, одетыми в вышедшую в виде военной форму. Это был человек совершенно из другой жизни, не задумывающийся о том, в какой среде он находится. Все во мне запротестовало, нам не о чем было с ней говорить. Сейчас, по прошествии многих лет, я, возможно, поступила бы по-другому, но тогда были слишком свежи воспоминания обо всех невзгодах и трагедиях военного времени. Я стояла выше этих неуместных нарядов и драгоценностей. Приди она в более скромном виде, мне бы

наверняка захотелось с ней пообщаться, тем более у нас было что вспомнить – самые прекрасные школьные времена... Казалось бы, принимая в расчет ее социальный статус, следовало бы поступить по-другому, но я не смогла. И только позже поняла, что сделала правильно. Однако возвратимся к временам довоенных лет.

Днепропетровск. Май 1941 года. Я, папа, мама, сестра Тамара

Днепропетровск. 1941 год. Я и сестра Тамара

Май, 1941 год. Вот и окончен четвертый класс. Расстаемся со своей учительницей Евой Моисеевной. В пятом будут новые преподаватели по отдельным предметам. Будут... Тогда никто не ведал, что это последний мирный месяц, хотя тревожные ощущения уже изрядное время владели душами простых людей, отнюдь не имеющих отношения к военным делам. Мужчины нашего двора, как обычно, собираясь после

трудового дня за садовым столом «забить козла»¹¹, все чаще обсуждали новости прессы о взаимоотношениях между нашей страной и Германией, в которых не видели ничего хорошего. Я предположить не могла, что со школой встречусь только через несколько долгих, суровых, полных опасностей лет (четыре года и три месяца), совсем в другом месте, вдали от моего родного города Днепропетровска, – чудом уцелевшая, повзрослевшая, очень самостоятельная, побывавшая в страшных переделках шестнадцатилетняя девушка.

Все это свершится позже, а сейчас – конец учебы, каникулы. Веселые и счастливые, мы думаем о том, как проведем лето, чтобы, встретившись осенью в школе, поведать друг другу о чем-то интересном. Папа планирует после окончания приема экзаменов у студентов нашу очередную поездку на Алтай. Такие путешествия мы совершали ежегодно. До этого я уже побывала во многих местах страны: Мурманске, Ленинграде, Москве, Севастополе, Киеве, Бердянске, Алма-Ате... Перед предполагаемой поездкой с папой меня пригласили погостить к себе тетя Дора¹² с мужем, дядей Тарасом¹³, в село Кулебовку¹⁴, которое находилось в 30 кило-

---

¹¹ Игра в домино.

¹² Черненко Дора Макаровна (укр. Черненко Дора Макарівна, в девичестве – Цокур, 1913–1991), сестра моей мамы, учитель.

¹³ Черненко Тарас Харлампиевич (укр. Черненко Тарас Харлампович, 1910–1989), учитель.

¹⁴ Кулебовка (укр. Кулебівка) – украинское село, в 1958 году вошедшее в состав города Новомосковска (укр. Новомосковськ).

метрах от Днепропетровска. Они там учительствовали, тетя преподавала в школе математику, дядя – географию.

Так начиналась война

Приступая к повествованию о самом трагическом периоде моей жизни – начале войны и временной оккупации немецкими захватчиками наших родных мест, – еще раз акцентирую внимание на том, что мне было очень важно показать события и участвующих в них людей такими, какими запечатлела их моя память. Хотелось бы, чтобы читатель мог взглянуть на войну и послевоенное время глазами двенадцати-шестнадцатилетней девочки, которой я тогда была.

Утро, 22 июня 1941 года, воскресенье. Я уже проснулась, однако выбираться из постели не тороплюсь, жду, когда зашевелиятся взрослые, предвкушаю очередную поездку на велосипеде с дядей Тарасом. В городе поездки ограничены тротуаром, а здесь – раздолье! Дядя ведет велосипед, а я сижу на раме или на багажнике, крепко вцепившись то ли в руль, то ли в него (к великому сожалению, второго велосипеда нет, хотя я обучена езде на нем). Следует крепко держаться, так как дядя любит быструю езду и устраивает всевозможные сюрпризы на глазах у обеспокоенной тети.

Наконец все собрались за столом, завтракаем. Дядя включает радиоточку, раздается громкий, торжественно-тревожный голос диктора Левитана, произносящий зловещие слова: «Войска гитлеровской Германии без предупреждения пересекли нашу границу – началась война». И мое веселое на-

строение вмиг улетучивается, можно сказать, на целых четыре с лишним года. К этому времени фашистская авиация успела начать бомбежки нескольких городов и война уже более пяти часов шла на нашей земле. Я в полном смятении: как же так, ведь все считали, что если война и начнется, то враг будет разбит на его же территории – об этом говорил даже военрук в школе. Ох, девочка, тебе еще не раз предстоит удивляться многому, в частности готовности Красной Армии противостоять внезапному, молниеносному вторжению гитлеровских оккупантов в наш город.

Мы решаем немедленно отправиться на железнодорожную станцию и первым же поездом вернуться домой, в Днепропетровск. Уехать оказалось не так просто, в одночасье все вокруг неузнаваемо изменилось. На вокзале невообразимая суматоха, неразбериха. Толпы обезумевших от страха и неизвестности людей кидаются то в одну, то в другую сторону в надежде заполучить хоть какую-то полезную информацию, но все тщетно. В кассах, естественно, никаких билетов нет, все они давно раскуплены, теперь каждый устраивается сам по себе, по принципу «спасайся, кто как может». Наконец появляется наш поезд. О проверке билетов не может быть и речи, поэтому наличие или отсутствие их у пассажиров в расчет не принимается. Проводники пытаются запихнуть в вагон как можно больше народа, так как на сегодня это единственный и последний уходящий в нашем направлении поезд – что будет завтра, ни одна живая душа не ведает,

возможно, это вообще последний поезд, которому суждено по мосту пересечь Днепр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.